

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 29

1968

Сергей НАРОВЧАТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЗЕЛЕННЫЕ ДВОРЫ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 29

Сергей НАРОВЧАТОВ

ЗЕЛЕННЫЕ ДВОРЫ

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1968

Сергей НАРОВЧАТОВ

Сергей Сергеевич Наровчатов родился в 1919 году в городе Хвалынске, Саратовской области. Детские годы провел в Москве, а юность его прошла в Магадане, куда уехали работать родители. Там он окончил среднюю школу. В 1937 году стал учиться в Московском институте истории, философии и литературы (МИФЛИ). В декабре 1939 года ушел добровольцем на войну с белофиннами. Участвовал в рейдах по тылам противника, был тяжело обморожен, лежал в госпитале. По завершении кампании демобилизовался и поступил учиться в Литературный институт имени А. М. Горького, а в МИФЛИ остался на экстернате. Оба института окончил в 1941 году. С первых дней Великой Отечественной войны ушел добровольцем в армию. Воевал на Брянском и Волховском фронтах, был в блокаде Ленинграда, прошел с боями Прибалтику, Польшу, Центральную Германию. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями. На фронте вступил в партию, до этого был комсомольцем.

Демобилизовавшись в 1946 году, работал в московской прессе, в аппарате ЦК ВЛКСМ, а затем стал литератором-профессионалом.

Писать стихи начал рано. Но военная биография прервала литературную, и первый сборник стихов, «Костер», вышел в Москве в 1948 году. С тех пор поэтом выпущено 16 книг поэтических, литературоведческих и критических произведений. За литературную деятельность награжден в 1967 году орденом Трудового Красного Знамени.

ОБЛАКА КРИЧАТ

По земле поземкой жаркий чад,
Стонет небо, стон проходит небом!
Облака, как лебеди, кричат
Над сожженным хлебом.

Хлеб дотла, и все село дотла.
Горе? Нет... Какое ж это горе...
Полплетня осталось от села,
Полплетня на взгорье.

Облака кричат! Кричат весь день!..
И — один под теми облаками —
Я трясусь, трясусь, трясусь плетень
Черными руками.

ФРОНТОВАЯ НОЧЬ

На пополнение наш полк отведен,
И, путаясь в километрах,
Мы третьи сутки походом идем,
Кочуем, двести бессмертных.

За отдыха час полжизни отдашь!
Но вот ради пешего подвига
Офицерам полковник дарит блиндаж,
Бойцам — всю рощу для отдыха.

Спать! Но тут из-под дряхлых нар,
Сон отдав за игру, на
Стол бросает колоду карт
Веселая наша фортуна.

Кто их забыл второпях и вдруг,
В разгаре какой погони?..
Что нам с того! Мы стола вокруг
Тесней сдвигаем погоны.

И я, зажав «Беломор» в зубах,
Встаю среди гама и чада.
Сегодня удача держит банк,
Играет в очко Наровчатов.

Атласные карты в руках горят,
Партнеры ширят глаза,
Четвертый раз ложатся подряд
Два выигрышных туза.

И снова дрожащие руки вокруг
По карманам пустеющим тычутся
Круг подходит к концу. Стук!
Полных четыре тысячи!

Но что это? Тонкие брови вразлет.
Яркий, капризный, упрямый,
На тысячу губ раздаренный рот.
— Ты здесь, крестовая дама?

Как ты сюда? Почему? Зачем?
Жила б, коли жить назначено,
На Большом Комсомольском, 4/7,
Во славу стиха незрячего.

Я фото твое расстрелял со зла,
Я в атаку ходил без портрета,
А нынче, притихший, пялю глаза
На карту случайную эту.

Где ты теперь? С какими судьбой
Тузами тебя растасовывает,
Кто козыряет сейчас тобой,
Краса ты моя крестовая?!

Но кончим лирический разговор...
На даму выиграть пробуешь?
Король, семерка, туз... Перебор!
Мне повезло на проигрыш.

Я рад бы все просадить дотла
На злодейку из дальнего тыла...
Неужто примета не соврала,
Неужто вновь полюбила?

Я верю приметам, башку очертя,
Я суеверен не в меру,
Но эту примету — ко всем чертям!
Хоть вешайте, не поверю...

Ночь на исходе. Гаснет игра.
Рассвет занимается серый.
Лица тускнеют. В путь пора,
Товарищи офицеры!

На пополнение наш полк отведен,
И, путаясь в километрах,
Четвертый день мы походом идем,
Кочуем, двести бессмертных.

ПОЛЬСКИЕ СТИХИ

1

Перед вислинскими мостами,
Вспомнив речи забытой звон,
Снова губы зовем устами
И очами глаза зовем.

Видим кольца, а слышим «перстни»,
Чуем «огнь», а шутим с огнем,
Но не перстни мы дарим, а песни,
Щедрой горстью их раздаем.

А коханым песни что замять...
И, опамятавшись едва,
На беспамятство и на память
Нам ответные дарят слова.

И уста наших слов — как устья
Двух державных и смежных рек,—
Это Польша чаруется Русью,
Это Русь встала с Польшей навек!

2

Беломостье нам платом машет,
Белым платом, омытым в крови,
Истомился по нас Томашев,
Ждет Любашев нашей любви.

Нам идти по путям подзвездным,
Чтобы плечи Плоцк распрямил,
Чтоб познала свободу Познань,
Чтоб Поморье узнало мир.

Если с небом не будет сладу
И земля нас начнет хулить,
Людям слово замолвит Млава,
Модлин небо будет молить.

То не слово врывается в слово:
От Урала и до Балкан
Крепнет братство грозное снова,
Многославное братство славян.

И сольется с новью преданье,
Раз в единый и кровный ряд
Встали Люблин рядом с Любанью,
Рядом с Белгородом — Белград!

3

Пусть в словах не видать ни зги...
Если жечью зовется речь,
Нам не жить, а друг друга жечь.
Жги!

В ненадежных стенах живу!
Если жечью зовется речь,
Мне ни стен, ни себя не сберечь,
Жарким сном изойти наяву.

Пусть не стены кругом, но моря!
Если жечью зовется речь,
Кораблем на ветру мне гореть,
Поджигательница моя!

4

Снова кличет в поход Россия,
И челом я хозяйке бью...
— Если дочь родится,— спросила,—
Как назвать мне царевну свою?

Как назвать? Но ведь дочь неподвластна
Власти воинского ремесла.
Или Вандой зови, или Властой,
Лишь бы ладною панной росла.

Если ж сын — называй Мечиславом,
В честь меча его наречем.
Быть на Одре славянским заставам,
Воевать им славу мечом!

5

Двух морей сливается ропот,
На единый строится лад...
Слышишь, листья летят в листопад,
Листопадом по ветру звенят.

Не дружить с долей печальной
И не черной темнеть тоской,
Но тенскнотой томиться чарной
Очарованному тобой.

Не горячими, так горячими,
Но словами вспомню любви
То ли руки твои, то ли рученьки,
То ли белые рончки твои...

Не ласкать мне их спозаранку
И ночами не целовать...
Нет, не песни себе, славянка,
Буду чести в бою искать!

Там, где Одра шумит и Лаба
На залитых кровью мостах,
Всеславянская древняя слава
Всколыхнет наш червлёный стяг.

Как тоскует о нас дорога,
Как зовет нас далекий край!..
До видзенья, моя дрога,
Недотрога моя, прощай!

ПИСЬМО ИЗ МАРИЕНБУРГА

...Тугая разметалася коса,
А на щеках на жарких тают снега хлопья.
Бежит стремглав курносая краса,
Лишь каблучки выстукивают дробью.

Буран метет, слепит глаза буран;
Но ей бежать впотьмах до самой Волги,
Где ждет ее безусый капитан
В надвинутой на брови треуголке.

Он ей навстречу плащ свой распахнет
И, в первый раз обнявши недотрогу,
Лишь вымолвит: — Не час я ждал, а год,
Но вы пришли, благодаренье богу.

Как удалось отца вам обмануть!
Как счастлив я! Но надо ждать погони...
Ямщик готов. И вот уж в дальний путь
Упряжку мчат заждавшиеся кони.

А девушка сидит, едва жива,
И лишь порой на срывах и откосах
Мелькает озорная татарва
В ее глазах, по-волжскому раскосых...

А сани к церкви... В двери кулаком,
И, на ноги поднявши спозаранку
Весь причт, перед испуганным попом
Встать под венец с прекрасною беглянкой.

На полуслове оборву рассказ,—
Махнем рукой романтике старинной...
С чего я вдруг узнал себя и вас
В любовниках времен Екатерины?

С чего б я это? Но, мой милый друг,
Неужто вы заметить не сумели,
Что мне осточертел Мариенбург,
Где я торчу четвертую неделю?

Здесь всюду притаилась старина,
Угрюмая, давящая, чужая,
Она томит, грозит бедой она,
Враждебным строем душу окружая.

И вот я вызвал полночь и мороз,
Вам на ноги накинул волчью бурку
И запросто вас под венец увез,
Назло и вперекор Мариенбургу.

ПОЖАР

Валит клубами черный дым
Над раскаленной крышею.
Мне этот дым необходим,
Мне нужно пламя рыжее!

Пусть разгорается пожар,
Пусть жаром пышет улица,
Пусть ужаснется млад и стар,
Пожарные стучаются.

Пусть сердце рвется из груди,
Пусть все тревожней мне —
Того гляди, того гляди,
И ты сгоришь в огне!

Девчонки — в плач, мальчишки — в крик,
В обморок родители...
Но тут явлюсь я среди них,
Суровый и решительный.

Сверкает взгляд из-под бровей.
Мне отступать не гоже,
Раз все кричат: «Спаси, Сергей!»,
«Сергей», а не «Сережа»!

По водосточной по трубе,
По ржавому железу
Я избавителем к тебе
От страшной смерти лезу.

От этажа
 к этажу,
Ловкий,
 как кошка...
И по карнизу прохожу
К заветному окошку.

Я нахожу тебя в огне,
Я облегчаю муки,
И ты протягиваешь мне
Худенькие руки.

Как храбр я! Как прекрасна ты!
Как день сияет летний!
И как непрочен мир мечты
Одиннадцатилетней!..

Он разбивается в куски
От окрика простого...
И вновь стою я у доски,
Я в третьем классе снова.

И вновь не помню я азов —
Попробуй к ним привыкни! —
И гнусный Васька Образцов
Показывает язык мне...

С тех пор немало лет прошло,
И снова сердце сжало,
И не сожгло — так обожгло
Предчувствием пожара.

Опять клубится черный дым
Над раскаленной крышею...
Мне этот дым необходим,
Мне нужно пламя рыжее.

Пусть сердце рвется из груди,
Пусть все тревожней мне.
Того гляди, того гляди,
Я сам сгорю в огне!

В огне сжигающей любви,
В сумятице минут,
Где руки тонкие твои
Одни меня спасут!

КАВАЛЕР И БАРЫШНЯ

Небо щедро сеет проливным дождем.
Но пройди к окошку, погляди на сквер:
Кавалер и барышня мокнут там вдвоем,
Что ж это за барышня, что за кавалер?

Краше этой пары не видал никто,
Заработок, видно, им пошел не впрок:
Кавалер накинуд старое пальто,
Барышня набросила выцветший платок.

Оба, не жалея стертых башмаков,
Луж не замечая — а уж это зря! —
Ходят до полудня с десяти часов,
О тебе, о глупой, тихо говоря.

Нет, не помешает дождик проливной,
Их соединяет горестная близь.
Разойдись друг с другом раннею весной,
На осеннем сквере вновь они сошлись.

Только не вспугни их взглядом невзначай.
То-то будет радость, коль они вдвоем,
Не сказав друг другу грустного «прощай»,
Возвратятся вместе в твой родимый дом!

Если б это чудо вдруг произошло,
Стекла бы не била, как в ознобе, дрожь,
Быстрыми ветрами тучи размело,
Сразу бы унялся беспросветный дождь.

Чтоб смогла ты притчу грустную понять,
Пусть у этой притчи будет прост конец:
В барышню вглядевшись, ты узнаешь мать.
Кавалер же, дочка,— это твой отец!

СЛЕПАЯ ДЕВУШКА

Сплела слепая девушка венок.
Какого цвета рвет она цветы,
Никто вокруг ей объяснить не мог:
Ни лес, ни луг, ни шумные кусты.

Цветы в венок ложились все дружной,
Один оттенок краски брал в другом...
Какое чувство подсказало ей
Не ошибиться в выборе своем?

И в этот миг я вспомнил о тебе
Ты, зрячая, приходи сюда к слепой
И горько подивись своей судьбе,
Сравнив слепую девушку с собой.

И ты цветы встречала на пути,
Рвала не наугад — наверняка,
Но не смогла и не могла сплести,
Ты воедино даже два цветка.

Слепой видна связующая нить,
Которую давно не видишь ты.
Всю жизнь ты не могла соединить
Разрозненные звенья красоты.

Ты на венок в последний раз взгляни...
Ладонью защитив зрачки свои,
С ослепшим сердцем голову склони
Перед незрячей зоркостью любви.

ВОСПОМИНАНИЕ

Чертежная пристальность взгляда,
В канун 43-го взгляд...
Васильевский. Вьюга. Блокада.
Идет по сугробам солдат.

Он в город отпущен сегодня,
А завтра назад поутру...
Застывшая тень в подворотне
Качнулась на резком ветру.

Девчонке не плохо, а худо,
Но хуже, пожалуй, нельзя,
И все-таки жаркого чуда
Озябшие ждали глаза.

Все древнее сызнава ново,
А чудо, в обличье живом,
Буханкою хлеба ржаного
Лежало в мешке вещевом.

Оно, как надземная милость,
В глагол превращая число,
В солдатских руках появилось
И в девочкины перешло.

Так долго звенело мгновенье,
Так накрепко взгляды слились,
Что вечности дуновенье
Коснулось обветренных лиц.

И все было горько и просто,
И девочку обнял солдат,
И вместе им были по росту
Блокада, Война, Ленинград.

Потом поклонились друг другу
И каждый дорогой своей
Пошли через зимнюю вьюгу,
В морозную ночь без огней.

Пошли и пошли без оглядки,
И вот через годы вдвоем,
Взойдя по страницам тетрадки,
Встречаются в сердце моем.

Зачем вы сюда пришагали?
Неужто меня вам не жаль?..
Не нужно, не нужно морали.
Вы совесть, а не мораль.

ВРЕМЕНА ГОДА

В лоснящейся саже весеннего луга,
В дымных чащобах мятущихся верб
Синим пожаром бесчинствует Лўга,
Бьет и на цвет, и на слух, и на свет.

Река из весны прорывается в лето,
Лето в семь радуг с утра разогрето,
Вовсю семицветным пылает накалом,
И Лўга под радуги входит накалом.

Лўга из лета врывается в осень,
В осень огнистых размашистых сосен,
Пламенных ветел и жарких берез,
Ждущих — воды из ушата! — мороз!

Лўга из осени ринется в зиму,
Непогасима и непоразима,—
Горячая вьюга, палящая вьюга! —
И снова пожаром метелится Лўга...

Мы с вами таким же горением живы,
И плавит текучее солнце нам жилы,
В крутых берегах не теряется след,
Слепит новизною приречный рассвет.

Летят времена безоглядного года,
По времени — небо, по небу — погода,
Но связью времен обжигает горенье
И зажигает стихотворенье.

БАЗАРНАЯ ГАЛАТЕЯ

Я русалку купил на рынке,
Все глазели, кому не лень.
Лишь во мненьях вышла заминка —
То ли рыба, то ли тюлень.

Вышла боком мне эта затея.
На рассвете, часу в шестом,
Вдруг с холста сползла Галатея,
Та, базарная, с рыбьим хвостом.

Навалилась мясистой глыбой,
Распластала ручищи свои.
И запахло протухшей рыбой
От просклизлой ее чешуи.

— Ты на Клязьме местечко вызнай,
Распрекрасно там заживем,
Обожаю червей и слизи,
Я их лопаю прямо живьем.

А какая в заводах тина,
Вот раздолье-то для меня!..
— Ах ты, пакостная картина,
Безответственная мазня!

Брысь на стенку! — И, всхлипнув, русалка
Вновь залезла на грубый холст.
Мне на миг ее стало жалко,
Но вопрос был не так-то прост.

Средств ищу от нее надежных...
Сжечь? Изрезать? Как бы не так!
Тут звонит мне один художник
И зовет побывать в гостях.

Жил он плотно, а ел неплотно,
Он вкушал то, что бог послал,
И эпические полотна
В силу этого замышлял.

А характер — звезды и ветер!
А талант — Гогену под стать!
И вот в этот треклятый вечер
Я решил его испытать.

В чарку друга я дунул-плюнул
И, к полночи вконец споив,
Ту русалку ему подсунул
Как изысканный примитив.

После долго его не видел,
В третий раз пожухла листва,
Посмотреть бы на новый выдел:
Все ж талантище!.. Голова!..

И на выставке взглядом мерю
Все полотна одно за другим.
Подошел и глазам не верю,
Нет, не верю глазам своим.

Разве это картины? Картинки!
Он ли это, возьми его прах!..
Зажелтели вовсю кувшинки
На подернутых ряской прудах.

На мели у берега плоского
Мертвой щуки живой оскал...
Подмосковного Айвазовского
Еле-еле я разыскал.

Перекроена вся квартира!..
Не под ясень, не под орех,
Мебель цвета рыбьего жира
Выдает хозяинов грех.

Ну, а центр всей квартиры — ванна!
Метров в двадцать! Не ванна — пруд!
И четыре огромных крана
Прель зеленую в ванну льют.

Из шикарной рамы-обновки,
Повальяжнее став на вид,
Цепким взглядом базарной торговли
Мне русалка в глаза глядит.

Вот, оказывается, в чем дело!
Нраву бабьему подчиняюсь,
В инородное это тело
Парень влип, как пушкинский князь.

Я опомниться князю не дал,
Хвать русалку — и прочь бегом
Под осенним промозглым небом
И таким же промозглым дождем.

У меня есть друг композитор,
Некий Мусоргский средних сил,
Я с русалочьим реквизитом
По пути к нему заскочил.

Как увидел он мой холстище:
— Хо-хо-хо! — гремит. — Ха-ха-ха!
Ну откуда, скажи, дружище,
Эта дикая чепуха?

Что же, в доме она не помеха,
Не соскучишься вместе с ней.
Дай возьму ее ради смеха
Веселить подруг и друзей.

За горячим стаканом чаю
Унимаю зябкую дрожь.
— Ладно, смейся, — ему отвечаю, —
Что-то после ты запоешь?

Через год, при такой же погоде,
Захожу, поиграл мне чтоб...
И базарная взвыла мелодия,
И слышался рыночный треп.

Я ругаться! А он: «Потише,
Разберемся, кто прав, кто не прав:
Набегает мне в месяц по тыще
В Управлении авторских прав».

От значительного молчания,
От лица твердогубых черт
Я примолк. И просто с отчаянья
Навязался к нему на концерт.

Думал: может, утешусь в горе я,
Вдруг нажмет на другую педаль,
Все ж Московская консерватория,
Черный фрак и черный рояль.

Заиграли — и валом зловоние,
Даже клавиш померкнул блеск!
Не симфония! Ква-ква-кония!
А в финале — сазаний плеск.

В зале ржут музыкальные кони,
Кобылицы взвились на дыбы...
Он увидел меня на балконе
В роли зама надвечной судьбы.

В гулком гвалте гремящего зала
Слышу тихое слово: «Спасай...»
Но ничто не спасет от провала,
Зам судьбы, я хватил через край.

Все ж бегу что есть мочи на сцену.
Глядь, русалка! В глазищах — испуг!
— Забирай-ка ты эту сирену,—
Говорит оскандаленный друг.

Здесь не к месту вопросы-расспросы,
И под публики воющий гул
Я схватил русалку за косы
И пинками в холст запихнул.

Чем же кончу стихотворенье?
Чем читателю удружу?
О последнем ее водворенье
Напоследок я расскажу.

Расхвалив красоты картины,
Я с завмагом один на один
За кило отварной осетрины
В рыбный отдал ее магазин.

Все, казалось бы, честь по чести,
Тяжкий груз я сбросил с души,
И русалка вроде на месте,
Ну, а дальше хоть не пиши.

Прослезится даже бумага,
Причитаньями зашуршит,
Ну и жизнь пошла у завмага:
В «Волге» ездит, коньяк глушит.

Он за месяц отстроил дачу,
Зятю с дочкой отгрохал дом...
Только в кассе нашли недостачу,
Дело, кажется, пахнет судом.

Защищаю завмага смело,
Он не сват мне, не брат, не друг,
Я-то знаю, чье это дело,
Мне известно, чьих оно рук!

АТЛАНТИДА

Толщи вод угрюмо сохранили
Память об исчезнувшей земле
В десятилетиях иле,
В десятилетиях иле мгле.

Древний мир врасплох настигла гибель,
В письменах залитых лавой плит
Спит дофараоновский Египет,
Глухо дремлет доминойский Крит.

Тишина слепая и немая,
В ней сквозят теченья наугад,
И, лениво тину поднимая,
Водоросли тихо шевелят.

Лишь слегка разрежены потемки,
Где поверхность сразу стала дном.
Там фосфоресцируют обломки
Синеватым мертвенным огнем.

В гнев незапамятного года
Твердь разверзла огненную грудь,
И у человеческого рода
Оборвался начатый здесь путь.

Ничего земле не завещала
Бессловесная морская гладь.
Найденные ощупью начала
Приходилось заново искать,

Чтобы после множества исканий
Над людьми опять зажегся свет
Прочно позабытых сочетаний
Красок, звуков, чисел и планет.

Были ль наши тайны им известны —
То, что знаем нынче мы с тобой?
Бесполезно спрашивать у бездны,
Равнодушной, зыбкой и слепой.

Но века между собою слиты,
Не на нас ли завершат свой счет?

Темное виденье Атлантиды
Перед миром сызнова встает.

Неуемный человеческий гений
Космоса услышал звездный гул,
За порог божественных свершений
Дерзкий человек перешагнул.

В животворной протоплазме клеток,
В нитях нуклеиновых кислот
Человек в дерзайшей из разведок
Бытия разгадку узнает.

Может быть, из давней круговерти
Выйдем мы к заветным берегам
И, прильнув к источнику бессмертья,
Вечным уподобимся богам?

Или же в каком-нибудь проклятом,
Нами не угаданном году
Вместе с нами расщепленный атом
Остановит Землю на ходу?

Оборвутся торные дороги
У полуткрытых берегов...
И людьми погибнут полубоги,
Не дождавшись участи богов?

Но в легенде о Земле сожженной
Древний мир во тьме глухих времен,
Бедствием в пучину погруженный,
Был самой природой обречен.

Там иного не было решения,
Не пойдешь противу естества,
Мы же сами силы разрушенья
Разбудили в недрах вещества.

Не лови ненужную подсказку,
Есть одна-единственная нить:
Раз уж мы придумали завязку,
То развязку сможем изменить.

СОБАКИ НА КОМАНДОРАХ

Над тундрой разносится вой, нарастая,
По тундре летит полумесяцем стая,
В гон она гонит, пути перекрыв,
Стадо оленьё на голый обрыв.

Олени людскими кричат голосами,
Олени разумными плачут слезами,
Но древних погонь и новейших охот
Неясно начало, но ясен исход.

Давно голошение псов одичалых
Мне слышалось на Командорских причалах,
Я взглядом следил среди топких саванн,
Как мчит под луной их кочующий стан.

Рабскую жизнь напоследок облаяв,
Сбежали они от постылых хозяев,
От плеток, от будок, от скудных харчей,
От будничных дней и унылых ночей.

Преданы новому вероученью,—
Вперед, к дособачью, к доприрученью! —
Сбросив привычек невольничьих груз,
С нами они разорвали союз.

Своя у лохматых по жизни дорога,
Что им до кесаря, что им до бога?
В конце-то концов в незапамятный век
Сначала был пес, а потом человек.

Здравствует в диспутах, сварах и спорах
Собачья республика на Командорах.
И вправе бы ей позавидовать мы,
Когда б не случилось на свете зимы.

Зимой хслодны командорские ночки
И псы возвращаются поодиночке.
Их ждет у порога хозяйский пинок,
Но прочная кровля и миска у ног.

По человечьему нраву и праву
На псов, я считаю, нам нужно управу.
А самоуправство — неслыханный вздор.
Так издавна было, так есть до сих пор.

Но дремлет в душе неумное свойство,
Но где-то мне дорого их своеволие,
И давний сторонник беспривязных слов,
Я досаду на покорившихся псов.

* * *

Две тыщи... Новой только эры!
Что не случилось с той поры?
Забылись нравы, страны, веры,
Земля стара, и мы стары.

Так что оставим мы в наследье
Векам, идущим нам вослед?
Ведь до конца тысячелетья
Осталось вовсе мало лет.

Оставим свары и угрозы,
А к ним, без счета и числа,
Неразрешенные вопросы,
Незавершенные дела.

Но за открытую дорогу
К другим счастливым временам
Простится хоть не все, но много
Тебе, и мне, и вместе нам.

Грешим не главным и не славным,
Но в самом главном мы правы,
И знаем мы, что в этом главном
Земля нова и мы новы.

* * *

Аминь, рассыптесь, горести и грусть!
Гляжу на женщин, кланяюсь знакомым,
От ветра щурюсь, в облака смотрюсь
И верю непридуманным законам.

Земля встает в извечной новизне,
На черных ветках лопаются почки,
Являя людям, птицам и весне
Прославленные клейкие листочки.

А на бульваре легковейный дым,
Адамы те же и все те же Евы,
Со всех сторон к избранникам своим
Спешат навстречу ласковые девы.

Тверда земля, и тверд небесный кров,
Прозрачно небо, и прозрачны души,
Но не уйти от неких странных слов:
Вгнездились в память, натрудили уши.

Нейтрон, протон, нейтрино, позитрон...
С усмешкой вспомнишь неделимый атом!
Не зная верха, низа и сторон,
Метут метелью в веществе разъятом.

Доверясь новонайденным словам,
Дробясь на бесконечные частицы,
Мой глупый мир всюду трещит по швам
И цельность сохранить уже не тщится.

С былых понятий сорвана узда,
И кажется, все в мире стало дробно...
А надо мной вечерняя звезда
Сияет целомудренно и скромно.

К звезде опять стремятся сотни глаз,
И что им позитроны и нейтрино,
Раз на Тверском бульваре в этот час
Все неделимо, цельно и едино!

Так пусть все встанет на свои места,
Как прежде воздух станет просто воздух,
Простой листвою останется листва,
Простое небо будет просто в звездах.

РУССКИЙ ПОСОЛ ВО ФЛОРЕНЦИИ

(XV век)

Пускай живет по-бесерменски,
Кто хочет в ад попасть живьем...
В латинском городе Флоренске
На свой обычай мы живем.

Соблазн чужого своевольтва
Не ввергнет нас в постыднй грех,
Стоит Великое посольство
На том, что мы превыше всех.

Что в древней вере мы не шатки,
Что все, как было, будет впредь...
В двух шубах и горлатной шапке
В июльскй полдень буду преть.

Осипну в споре с толмачами,
Сличая с нашим ихний слог,
Чтоб нужных строк не умолчали,
Не переврали б важных строк.

Нет, это дело не простое,
Терпя жару и маету,
Заставить Дука слушать стоя,
Пока я грамоту дочту.

В ней речь о том, что к пущей славе,
К приумножению красы
Нужны искусники Державе,
Нужны умельцы на Руси.

Зане мы в них имеем нужду,
То за ценой не постоим,
Пускай Москве сослужат службу,
Москва да будет третий Рим.

Во славу нашу бесермены
Помогут грешною рукой
Воздвигнуть башни, церкви, стены,
Твердыню над Москвой-рекой.

Тут не нужна, избави боже,
Ума лукавая игра,
Нам мастера нужны пострже,
Нужны потверже мастера.

А то и в немцах и в латинах
Одни разврат и баловство,
Везде на расписных холстинах
Нагое видишь естество.

В цветах диковинных поляны,
А вокруг полян, смущая взгляд,
Русалки, ведьмы и полканы
Бесстыжим мрамором блещут.

Но сколь прелестна эта скверна!
Я сам поддался сатане,
И баба голая Венерка
Мне стала чудиться во сне.

Вконец намучусь и намычусь,
Но все ж до проку доберусь,
Лаврентий, прозвищем Медичис,
Пошлет искусников на Русь.

Наказ исполню государев
И успокоюсь без затей
Подальше от заморских марев,
В тишайшей вотчине своей.

РОЖДЕНИЕ

(1919 год)

К концу подходило крещение
Горластых российских ребят,
И древние гасли реченья,
И гаснул старинный обряд.

Ударили в окна шрапнели,
И пуля икону прожгла,
И женщина в жесткой шинели
В уездную церковь вошла.

Смеркалось в приделах священных,
Но вспыхнул окладов металл,
Ребенка смущенный священник
Безропотно ей передал.

Тяжелые, властные руки
Легко подхватили меня
Во имя всеобщей поруки,
Во имя всеобщего дня.

Чуть двинула в ласке губами,
Услышав над крышей разрыв,
Свое огневое дыханье
С ребячьим дыханием слив.

Закинулась мать. Закричала:
— Ведь я же его родила!..
С концами смешались начала,
Свершались большие дела.

Упали уездные стены,
Ни тени от них, ни угла...
По страшным просторам Вселенной,
Спеша, Революция шла.

А в глубь бездонной России,
В глубины всемирной любви
Ее провожали пустые,
Святые глазенки мои.

Держа рукоятку нагана,
Как ангел, в грозе и грязи,
Куда она вдаль прошагала
По нашей жестокой Руси?

А может, она и жесточе,
А может, и мягче ее?
Все дольше ей путь... Все короче
Короткое время мое.

И я, на путях ее крестных
Не зная иного креста,
Влюблен, долгопамятный крестник,
В ее огневые уста.

На свежих путях поколений,
Обдумав жите и бытие,
Шепчу: — Революция, Ленин,
Россия —
Крещение мое!

1920-й

Нет, не своим... Но чутким, зорким взглядом,
Зорчайшим взглядом матери своей
Вгляжусь в тот год. И он возникнет рядом
Живей живого, нового новей.

Застыл в сугробах городок уездный,
И чудится, что он со всех сторон
Холодной, вьюжной, непроглядной бездной
От остального мира отделен.

Но в закоулке свет желтит сквозь ставни,
И злой махоркой старый дом пропах,
К нам на постой солдаты нынче встали,
Все, как с плаката,— в звездах и ремнях.

Ни дать ни взять, как во всемирном штабе,
Сидят они за кухонным столом
И спорят только в мировом масштабе,
Мирятся тоже только в мировом.

Доспорили. И, отодвинув кружку,
Тот, с глоткой, что оркестровая медь,
Огромный, протолкнулся в боковушку,
Стараясь сапогами не греметь.

Ведом ему лишь ведомою целью,
Сажень косая — грозен и смешон,
Над детской наклонился колыбелью
И загудел торжественным шмелем:

— Ну, будет жизнь! Глядеть не наглядеться.
И все тебе... Для тела и души.
— Чего ты агитируешь младенца,
Цигарку лучше, дьявол, притуши...

Он вышел. И как будто перед строем,
Но — шепотом! — товарищам своим
Сказал: — Мы наш, мы новый мир построим
И этому мальцу передадим!

Глядят они, смеючись, друг на друга,
Хмельным-хмельны без браги и вина.
Стихает утомившаяся вьюга,
Идет к концу гражданская война.

ЗЕЛЕННЫЕ ДВОРЫ

На улицах Москвы разлук не видят встречи,
Разлук не узнают бульвары и мосты.
Слепой дорогой встреч я шел в Замоскворечье,
Я шел в толпе разлук по улицам Москвы.

Со всех сторон я слышал ровный шорох,
Угрюмый шум забвений и утрат.
И было им, как мне, давно за сорок,
И был я им давным-давно не рад.

Июльский день был жарок, бел и гулок,
Дышали тяжело окна и дворы,
На Пятницкой свернул я в переулок,
Толпу разлук оставив до поры.

Лишь тень моя составила мне пару.
Чуть наискось и впереди меня,
Шурша, бежала тень по тротуару,
Спасаясь от губительного дня.

Шаги пошли уже за третью сотню,
Мы миновали каменный забор,
Как вдруг она метнулась в подворотню,
И я за ней прошел в зеленый двор.

Шумели во дворе густые липы,
Старинный терем прятался в листве,
И тихие послышались мне всхлипы,
И кто-то молвил: «Тяжко на Москве...

Умчишь по государеву указу,
Намучили меня дурные сны,
В Орде не вспомнишь обо мне ни разу,
Мне ждать невмочь до будущей весны».

Ливня лились любовные реченья,
Но был давно составлен приговор
Прообразам любви и приключенья,
И молча я прошел в соседний двор.

На том дворе опять шумели липы,
Дом с мезонином прятался в листве,
И ломкий голос: — Вы понять могли бы,
Без аматёра тяжело на Москве.

Сейчас вы снова скачете в Тавриду,
Меня томят затейливые сны,
Я не могу таить от вас обиду,
Мне ждать нельзя до будущей весны.

Нет, я не взял к развитию интригу,
Не возразил полслова на укор,
Как дверь, закрыл раскрывшуюся книгу
И медленно пошел на третий двор.

На нем опять всю шумели липы,
Знакомый флигель прятался в листве,
И ты сказала: — Как мы несчастливы,
В сороковые тяжко на Москве!

Вернулся с Финской — и опять в дорогу,
Меня тревожат тягостные сны,
Безбожница, начну молиться богу,
Вся изведусь до будущей весны.

А за тобой, как будто в зазеркальи,
Куда пройти пока еще нельзя,
Из окон мне смеялись и кивали
Давным-давно погибшие друзья.

Меня за опоздание ругали,
Пророчили веселье до утра...
Закрыв лицо тяжелыми руками,
Пошел я прочь с последнего двора.

Не потому ли шел я без оглядки,
Что самого себя узнал меж них,
Что были все разгаданы загадки,
Что узнан был слагающийся стих?

Не будет лип, склонившихся навстречу,
Ни теремов, ни флигелей в листве.
Никто не встанет с беспокойной речью,
Никто не скажет: «Тяжко на Москве...»

Вы умерли, любовные реченья,
Нас на цветной встречавшие тропе,
В поступке не увидеть приключенья,
Не прикоснуться, молодость, к тебе.

Бесчинная, ты грохотала градом,
Брала в полон сердца и города...
Как далека ты! Не достанешь взглядом...
Как Финский, как Таврида и Орда.

Захлопнулись ворот глухие вежды,
И я спросил у зноя и жары:
— Вы верите в зеленые надежды,
Вы верите в зеленые дворы?

Но тут с небес спустился ангел божий
И, став юнцом сегодняшнего дня,
Прошел во двор — имущий власть прохожий,—
Меня легко от входа отстраня.

Ему идти зелеными дворами,
Живой тропой земного бытия,
Не увидеть увиденного нами,
Увидеть то, что не увижу я.

На улицах Москвы разлук не видят встречи,
Разлук не узнают бульвары и мосты.
Слепой дорогой встреч я шел в Замоскворечье,
Я шел в толпе разлук по улицам Москвы.

СОДЕРЖАНИЕ

Облака кричат	3
Фронтовая ночь	3
Польские стихи	5
Письмо из Мариенбурга	8
Пожар	9
Кавалер и барышня	11
Слепая девушка	12
Воспоминание	12
Времена года	14
Базарная Галатея	14
Атлантида	19
Собаки на Командорах	21
«Две тыщи... Новой только эры!»	22
«Аминь, рассыпьте, горести и грусть!»	22
Русский посол во Флоренции	23
Рождение	25
1920-й	26
Зеленые дворы	28

Сергей Сергеевич Наровчатов
ЗЕЛЕННЫЕ ДВОРЫ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

Технический редактор Я. Б о р и с о в.

А 00459. Подписано к печати 29/VII 1968 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 1,40 условн. печ. лист. 1,38 учетно-изд. л. Тираж 96 100.
Изд. № 1442. Заказ № 1779. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сберегательные кассы предоставляют возможность каждому гражданину, независимо от того, является он вкладчиком сберегательной кассы или нет, внести свои деньги и получить именной документ — аккредитив.

● **АККРЕДИТИВОМ** можно воспользоваться при переезде из одной местности в другую, при поездке в отпуск, путешествии, командировке.

● **ДЕНЬГИ**, внесенные на аккредитив в сберегательной кассе одного города или района, могут быть получены их владельцем в сберегательной кассе любого другого города и района.

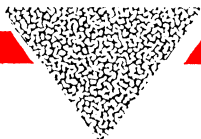
● **СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ ВЫДАЮТ АККРЕДИТИВЫ ТРЕХ ВИДОВ: НА ЛЮБУЮ СУММУ ДО 500 РУБЛЕЙ, В 300 РУБЛЕЙ И В 500 РУБЛЕЙ.**

● **АККРЕДИТИВЫ** на сумму до 500 рублей оплачиваются сразу полностью.

● **ПО АККРЕДИТИВАМ** в 500 и 300 рублей деньги выплачиваются в зависимости от желания их владельцев — сразу в полной сумме или по частям, в суммах, указанных на каждом из пяти ордеров, имеющихся в аккредитивах этого вида. Например, по аккредитивам в 500 рублей можно получить сумму в 100, 200, 300 рублей и т. д., по аккредитивам в 300 рублей — 60, 120, 180 рублей и т. д.

● **ВЛАДЕЛЬЦУ** аккредитива выдается два документа — аккредитив и контрольный лист к нему, которые следует хранить раздельно, чтобы при утрате одного из них было ускорено решение вопроса о выплате денег.

● **Оплата аккредитивов** производится сберегательной кассой по предъявлении его владельцем паспорта или заменяющего его документа.

Пользуйтесь услугами сберегательных касс!

Управление гострудсберкасс и
госкредита РСФСР